

Л. А. Чவர்

ОТРАЖЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРАДАЦИЙ В ТАДЖИКСКИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЯХ

В этнографической литературе часто встречаются названия «Одежда такого-то народа» или «Жилище... народа», но до сих пор нет аналогичной монографии с названием «Украшения...».

Конечно, в любом исследовании материальной культуры населения страны, области какого-нибудь народа или отдельной этнографической группы на страницах, касающихся одежды, непременно рассматриваются украшения, однако исследования, достаточно полно и скрупулезно анализирующего украшения как относительно самостоятельный элемент национальной культуры, пока нет. Это относится и к таджикским украшениям. Сейчас необходимость подобного изучения украшений стала особенно осязаемой: в готовящемся историко-этнографическом атласе народов Средней Азии и Казахстана украшения выделены в отдельную тему.

У народов, сохранивших традиционный костюм, женщины по обычаю носят того или иного вида (соответственно возрасту) одежду, делают различные прически, пользуются разными украшениями. В этнографической литературе изучены в этом аспекте первые два элемента. Цель настоящей статьи — дать возможно более полный и систематизированный материал по украшениям, достаточно ярко отражающий оставшиеся пережитки возрастных делений среди таджиков.

Проблемы возрастного деления у народов Средней Азии нашли отражение в работах советских этнографов и прежде всего у С. П. Толстого¹. Взгляды С. П. Толстова на смысл, происхождение и закономерности развития в древности и средневековье возрастных классов у народов Средней Азии подробно рассмотрены и совершенно справедливо высоко оценены К. Л. Задыхиной².

К. Л. Задыхина приводит ряд факторов, в большей или меньшей степени связанных с возрастными группами у кочевых и оседлых народов в настоящее время. Помимо возрастных делений у мужчин, подробно рассмотрены и женские, в основном на материале причесок и одежды. По К. Л. Задыхиной, их четыре. Анализ украшений позволяет выделить большее число таких делений, при определении которых играет роль не только возраст, но и социально-экономическая деятельность женщины. Отражение возрастных делений в материальной куль-

¹ См. С. П. Толстов, Военная демократия и проблемы генетической революции, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7.

² С. П. Толстов, К истории древнетюркской социальной терминологии, «Вестник древней истории», 1938, № 1; его же, Древний Хорезм, М., 1948; К. Л. Задыхина, Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии, Сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1951.

туре народов Средней Азии было исследовано в статье О. А. Сухаревой³.

На этом, пожалуй, и кончается литература, касающаяся непосредственно возрастных градаций у народов Средней Азии. Какие выводы вытекают из этого? Во-первых, работ по этой тематике не так уж много. Во-вторых, материал, из которого исходят исследователи, большей частью однообразен — это либо одежда вообще, либо часть ее (головные уборы и как дополнение к ним — прическа). В-третьих, до сих пор нет достаточно полного объяснения самого обычая возрастных делений и критерия самой градации. Думается, что причин тут много. Одна из них — необходимость дополнительного материала, который дает более дробное и четкое деление. Таким материалом при тщательном изучении могут стать украшения.

Статья написана целиком на полевом материале, собранном автором в 1966 и 1968 гг. Летом 1966 г., во время работы в составе экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР собирался материал в предгорных кишлаках близ Нурека — Пейхо, Новобод, пос. Энергетиков. В 1968 г. обследовались два района республики — Аштский и часть Ганчинского. И в 1966 и в 1968 гг. собирался материал в Ленинабаде⁴.

Известна любовь таджикских женщин к традиционным украшениям, сохранившаяся до наших дней, особенно в местах, удаленных от современных городских центров. Большая часть этих украшений выполнена местными ювелирами — заргарами. Украшения начинают надевать девочке уже с ранних лет. Украшения каждой категории полагалось дарить в определенном возрасте. В связи с возрастными градациями материал украшений можно разделить на следующие группы.

Первая группа — украшения детей-младенцев (до трех лет). К ним относятся: браслетики из черных с белыми крапинками бусин, надеваемые на одну или обе руки. Иногда из этих же бусин делают «низки», которые надевают либо на шею, либо пришивают к тюбетейке или на спину рубашки.

Интересно, что сами таджики рассматривают носимые детьми украшения только как обереги для отвращения злых духов, от сглаза, противопоставляя их украшениям более взрослых девочек и женщин. Другое украшение младенцев — небольшие и простые по форме серьги, иногда заменяемые просто ниткой с 2—3 бусинами (рис. 1, а). Такие детские серьги ребенку продевали в одно или оба уха. Иногда их надевали и маленьким мальчикам, но сейчас это делают сравнительно редко.

В Аштском районе Таджикской ССР нередко случаи продевания серег девочкам еще до года (например, в кишлаке Бободархон — на десятый день, в кишлаке Джорбулак — на пятом или одиннадцатом месяце). В Ганчинском районе продевание серег младенцам в первые месяцы и даже дни их жизни встречается значительно чаще (в кишлаке Чуянчи — на третий день или в один год в кишлаке Басманда — на третьем или на восьмом месяце и т. п.). В Ленинабаде девочка становится обладательницей пары сережек уже в двухмесячном возрасте⁵. В этих же районах бытует и обычай прокалывать уши детям до трех лет. В прокол продевают палочку или нитку, а серьги дарят уже позднее, в три-четыре года.

Примерно та же картина наблюдается и на юге республики, например в Нуреке (кишлак Пейхо), где помимо уже упоминав-

³ О. А. Сухарева, Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, «Среднеазиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXI, М., 1954.

⁴ Все полевые записи хранятся у автора.

шихся вещей очень часто можно видеть на детях треугольные амулеты-«туморы» (из кожи, лоскутков материи, соломки и т. д.), выполняющие ту же функцию оберега белые пуговицы «садаф», бусы из сердолика и т. п.

Вторая группа — украшения девочек в возрасте от трех-четырех до десяти лет.

Иногда отец дарил дочке первые серьги, лишь когда ей исполнилось три-четыре года. Характерно, что эти сережки были всегда очень просты, вне зависимости от того, куплены они в магазине или у заргара-ювелира, единого типа не составляют и называются, как правило, таджикскими по происхождению терминами — «гушвор», реже «халка», независимо от их формы. В то же время серьги взрослых женщин наряду с этими терминами обозначаются и тюркскими по происхождению терминами — «балдок», «сырга».

Вскоре после серег девочке дарят кольца, простые узкие браслеты, нитку-другую кораллов (Ашт) или бисерное нагрудное украшение «хазина-гардан» (Нурек).

Раньше и в Ганчи, и в Нуреке

в этом возрасте девочки носили носовые серьги. А в семь-десять лет нурекской девочке вплетали в косы бисерную кисть «чол-банд» (рис. 2, б). Большую часть этих украшений продолжали носить и после свадьбы, вплоть до появления первого ребенка.

Третья группа — украшения девушек, которые уже могут вступать в брак. Раньше этот возраст начинался сразу после десяти лет. В Нуреке такой девушке приобретали шейно-нагрудное украшение из металлических плоских «листочков», чаще всего называемое «зерех», а также низки бус, имитирующих кораллы, которые чередуются с подвесками из монет-«таньга». В тех местах, где принято носить шейные бисерные повязки (типа «хафабанд», рис. 3, а), их надевали также с этого возраста. Остальные украшения — серьги, кольца, браслеты — почти не отличаются от носимых в детстве, возрастает только их количество.

Четвертая группа — украшения новобрачной на свадьбе и после нее, вплоть до появления ребенка. С замужества начинается качественно новый период в жизни женщины, поэтому и украшения она начинает носить в значительной степени новые, «женские». Например, в Ленинабаде в свадебные комплексы украшений входили: нагрудные металлические футляры для амулетов (тумор, бозбанд) (рис. 4 а, б), ожерелье «зеби-сина», несколько рядов коралловых бус «марджон». В городах Ганчи и Ура-Тюбе многие из названных нагрудных украшений заменялись нашейным украшением «тавки-гули» и т. п. Из головных украшений носили налобные «коштилло» и «баргак», височные «каджак» и т. д. Помимо этих новых украшений женщина после свадьбы носила обычно серьги

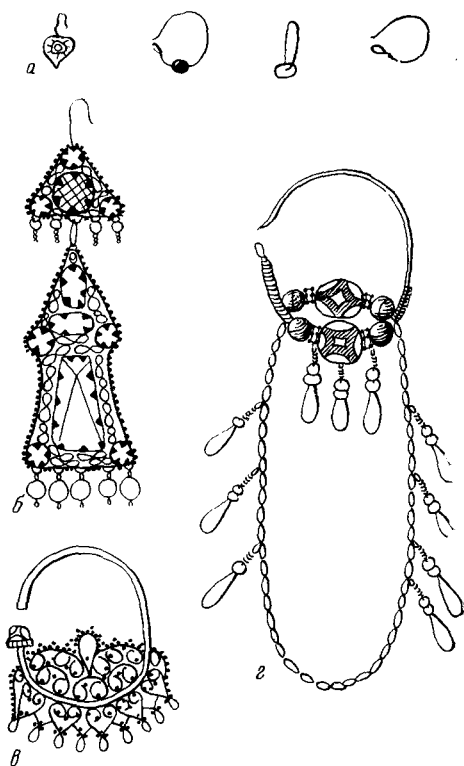


Рис. 1. Серьги: а — детские серьги «гушворак»; б, в — женские серьги (Северный Таджикистан); г — женские серьги (Южный Таджикистан)

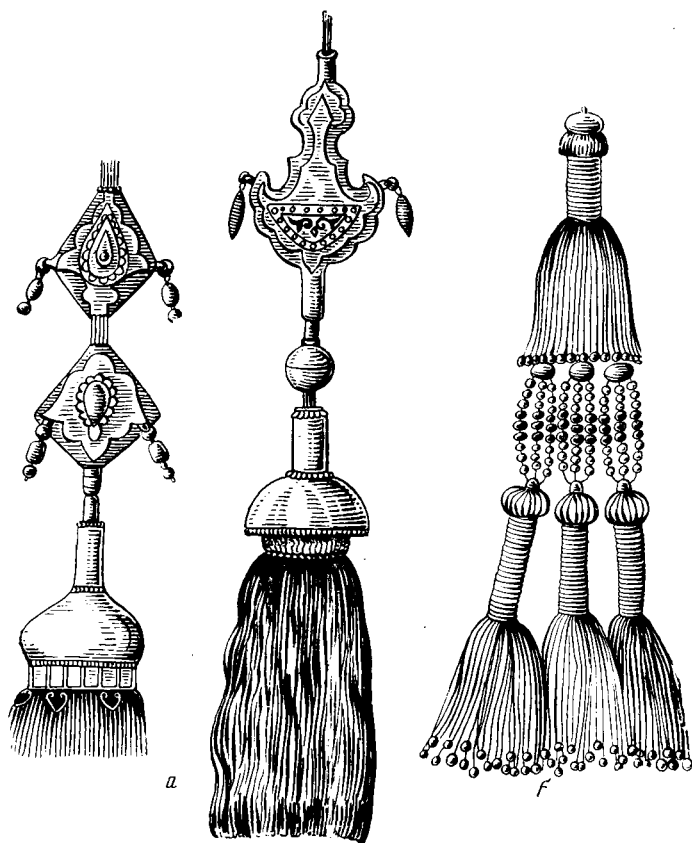
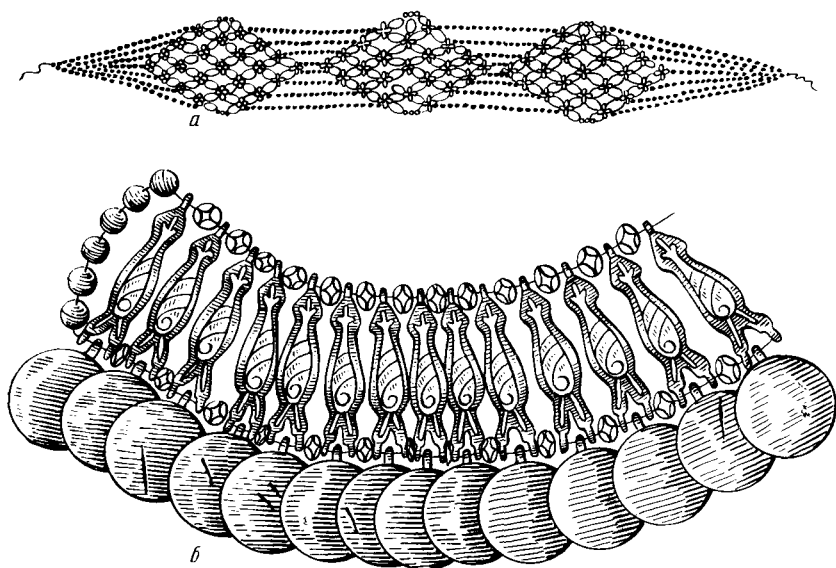


Рис. 2. Накосные украшения (фрагменты): *а* — «чач пупак» (Северный Таджикистан); *б* — «чол-банд» (Южный Таджикистан)



М 1:1

Рис. 3. Нашейные украшения: *а* — «хафабанд» (Южный Таджикистан); *б* — «тавки—гули» (Северный Таджикистан)

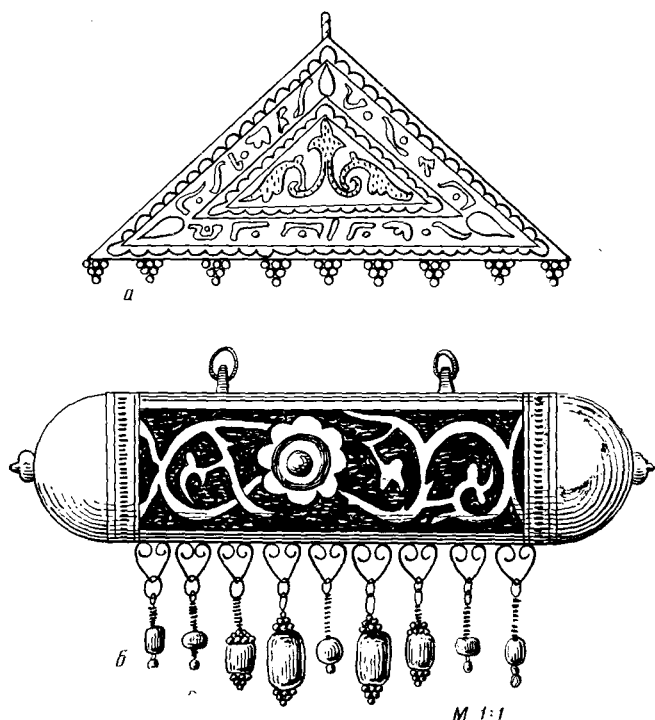


Рис. 4. Нагрудные украшения из Северного Таджикистана:
а — «тумор»; б — «бозубанд»

уже другого вида (рис. 1, б, в), более дорогие и богатые браслеты. Раньше в Ленинабаде на свадьбе невесте впервые надевали носовую серьгу «латибини» (а в Аште не только невесте, но и жениху). Длинные, щедро украшенные серебром подвески к косам — «чач-пупак» (рис. 2, а) также считаются в Аште принадлежностью только невесты и молодой женщины (но их носили большей частью в зажиточных семьях).

Все описанные выше «свадебные» украшения, как правило, имелись только у зажиточных жителей кишлаков, особенно в удаленных от крупных городов местностях. Специальных категорий украшений, приобретаемых только до свадьбы, у южных таджиков нет, т. е. отсутствует резкая грань между комплексами украшений девушки и молодой женщины. Наоборот, большинство «досвадебных» украшений может носить и женщина, имеющая детей: например, ожерелья «хазина-гардан», «зерех», «таньга», «марджон», шейный «хафабанд», носовую серьгу «хольчуб». Но, несмотря на эту традицию, по внешнему виду и, в частности, по украшениям девушка все же отличается от молодухи — тем, например, что только после свадьбы было в обычае надевать сразу пять или шесть (в зависимости от кишлака) рядов нагрудных и шейных украшений: это уже упоминавшиеся «хафабанд», «зерех», «таньга», «хазина-гардан», «марджон» или простые бусы — все те вещи которые постепенно появляются у девочки, затем девушки и, наконец, пополняются подаренными ей к свадьбе украшениями.

Когда конкретно происходила смена костюма и набора украшений «девичьих» на «женские»? Именно этому вопросу уделила большое внимание О. А. Сухарева⁵. Ей удалось убедительно показать и первоначальный смысл, и позднейшие наслоения в обряде смены «девичьих» голов-

⁵ О. А. Сухарева, Указ. раб.

ных уборов на «женские». Вывод автора таков: обряд надевания «женского» головного убора связан не столько со свадебным обрядом, сколько с первым материнством⁶.

Что касается украшений, то здесь положение прямо противоположное: все «женские» украшения новобрачная получает на свадьбе и носит их до появления первого ребенка. После рождения первенца молодая мать по обычаю может надевать лишь одно-два из своих «свадебных» украшений, а общественное мнение вообще предписывает ей появляться в возможно более скромном наряде.

Наиболее четко период со времени свадьбы до рождения первого ребенка можно выделить по материалам украшений в Ленинабаде и в Аштском районе. Так, став матерью, ленинабадская женщина уже не могла носить местные серьги «гушворак», а в Аште соответственно серьги типа «халкаи калон» и некоторые виды богатых накосных украшений. Там, где бытовали головные «кош-тилло», «каджак», «баргак» и т. д. (а они преобладали в городах и связанных с ними кишлаках), надевать все эти украшения вместе после рождения ребенка не полагалось. Отправляясь на какое-нибудь торжество, женщина могла надеть лишь одно из них.

Этой информации противоречат отдельные сообщения (Аштский район) о том, что некоторые головные украшения невесте дарят на свадьбе, но носить она их должна лишь с рождения первенца. Последнее дает возможность предположить, что основным для перехода в следующую группу был момент превращения женщины в женщину-мать, как это показывают и материал головных уборов.

Однако не везде определенные украшения четко соответствуют периоду от свадьбы до рождения первого ребенка. В Гатчинском районе украшения, присущие женщине-матери, начинали носить лишь после рождения второго, а то и третьего ребенка, но в памяти пожилых таджичек обычай носить целиком весь свадебный комплекс украшений ассоциируется все же с появлением первого ребенка⁷.

В пятую группу входят украшения замужних женщин фертильного возраста, имеющих одного-двух детей. Выше говорилось, что в этом возрасте женщина уже не таквольна в выборе украшений. Там, где бытовали головные украшения типа «кош-тилло» или «баргак», до появления второго-третьего ребенка женщина еще могла себе позволить появиться в них на людях. После этого головные украшения уже не надевались. Серьги, браслеты, кольца оставались постоянными «спутниками» женщины фертильного возраста, но они становились все более простыми и скромными.

Шестая группа украшений соответствует периоду после 40—45 лет. В этом возрасте женщина уже считалась старухой, поэтому носить украшения ей считалось неприличным — исключение составляли лишь гладкие, без вставок или с маленькими вставками кольца и небольшие простые серьги в одном или обоих ушах. В косы вплетали тяжелые подвески из монет, ключей или даже просто камешков — для оттягивания кос, сделавшихся короткими.

Как видно из описаний, каждая группа украшений соответствует определенной возрастной группе. По всей вероятности, обычай надевания каждого украшения в определенном возрасте не случаен. Несмотря на многие отклонения, общая тенденция ясна: употребление украшений разных категорий в определенном возрасте. Сейчас уже нет четкого соответствия возрастных групп и каких-то конкретных категорий украшений, но все же можно заметить, что первым украшением чаще всего бывают серьги, позднее кольца, браслеты. Эти три категории украшений, особен-

⁶ О. А. Сухарева, Указ. раб., стр. 322.

⁷ Например, в Аштском районе, кишлак Камыш-Курган (Полевые записи автора, 1968 г.).

но серьги и кольца, сопутствуют женщинам в течение всей жизни. С возрастом и положением женщины меняется лишь их форма, вид, тип. Другая часть комплекса украшений — головные и некоторые из нагрудных — надевались со свадьбы или со времени рождения ребенка и носились, пока женщина не становилась старухой. Все это, по-видимому, указывает на связь украшений с системой деления на возрастные группы, перегородки которой сохраняются в Средней Азии до сих пор.

Итак, основными возрастными группами таджичек, выявленными на материале украшений, были: 1) дети до трех лет; 2) девочки с трех-четырех до десяти лет; 3) девушки в возрасте от десяти лет до замужества; 4) новобрачные от свадьбы до появления первого ребенка; 5) замужние женщины-матери фертильного возраста; 6) пожилые женщины.

Что же лежит в основе возрастных делений у таджичек? Из приведенного материала видно, что это не просто возраст, а скорее этапы сначала физического развития, а позднее выполнение основной функции женщины — воспроизводства человеческого рода.

Однако параллельно и в тесной связи с физическим развитием девочки идет процесс усвоения ею навыков, умения, знаний, всего предшествующего опыта в семейно-брачной и хозяйственной сферах. Маленькая дочь уже с четырех-пятилетнего возраста помогает матери присматривать за младшими детьми, нянчиться с ними. «Лет около восьми-девяти девочка начинает учиться шитью, очистке хлопка и пряжи»⁸, — сообщают В. и М. Наливкины о городском населении Ферганы, быт и обычаи которого в значительной степени сходны с таджикскими, особенно с северотаджикскими. С 12—13 лет девочка, как говорили, «пришла в возраст», т. е. стала девушкой-невестой. В это время и круг ее занятий по дому увеличивается, она все больше времени уделяет приготовлению пищи, постепенно совершенствуясь в этом нелегком деле. Одновременно с этим отношение взрослых к ней быстро меняется. Женщины заводят разговоры о предстоящем браке, свадьбе, семейной жизни, начинают с ней разговаривать как с равной⁹. С выходом замуж и рождением первого ребенка, женщина переходит в «группу матерей». Это было событием не только в масштабах ее семьи: появление ребенка сказывалось и на ее общественном положении. Она уже имела право участвовать в общественной жизни кишлака, тогда как до этого обязана была вести замкнутую жизнь. Все изменения в ее жизни, общественном и семейном положении отражались и в наборе носимых ею украшений.

⁸ В. и М. Наливкины, Очерк быта женщины туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 190.

⁹ Там же, стр. 191—193.